

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1 (140) 2021

**Сроки полномочий президента:
обнуление рациональности или рациональность обнуления?**

Феномен спойлерства в публичном праве

**Новое измерение демократии:
метаморфозы народного представительства и выборы**

**«Всё выше и выше, и выше...»:
феномен надконституционности**

Муниципальные публичные слушания в России и США

**Конституционное конструирование:
Карибский регион**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1 (140) 2021

Учредитель и издатель

Институт права и публичной политики
https://www.ilpp.ru

Редакционный совет

А. С. АВТОНОВ (Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова)
А. БЛАНКЕНАГЕЛЬ, сопредседатель (Университет им. Гумбольдта, Германия)
Н. А. БОГДАНОВА (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
А. Е. ВАШКЕВИЧ (Европейский гуманитарный университет, Литва)
Е. В. ГРИЦЕНКО (Санкт-Петербургский государственный университет)
А. В. ДОЛЖИКОВ (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. П. КЕНОВА (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
А. И. КОВЛЕР (Институт законодательства и сравнительного правоведения)
М. А. КРАСНОВ (НИУ «Высшая школа экономики»)
В. И. ЛАФИТСКИЙ (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина)
А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, сопредседатель (НИУ «Высшая школа экономики»)
Р. УИТЦ (Центрально-Европейский университет, Венгрия)
С. ХОЛМС (Нью-Йоркской университет, США)
И. Г. ШАБЛИНСКИЙ (НИУ «Высшая школа экономики»)
А. ШАЙО (Центрально-Европейский университет, Венгрия)

Редакционная коллегия

И. А. АЛЕБАСТРОВА (Всероссийский государственный университет юстиции)
А. А. ДЖАГАРЯН (Коллегия адвокатов «Муранов, Черняков и партнёры»)
С. С. ЗАЙКИН (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина)
О. Н. КРЯЖКОВА (Российский государственный университет правосудия)
Б. НОБЛ (Университетский колледж Лондона, Великобритания)
У. ПАРТЛЕТТ (Университет Мельбурна, Австралия)
Д. СМИЛОВ (Софийский университет, Болгария)
С. А. ТЮЛКИНА (Университет Нового Южного Уэльса, Австралия)
Т. М. ХРАМОВА (НИУ «Высшая школа экономики»)
П. ЧЕЙСТИ (Колледж Св. Антония, Оксфордский Университет, Великобритания)
А. М. ЧИРИНОВ (Институт философии и права УрО РАН)
Д. Г. ШУСТРОВ (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Главный редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ (Институт права и публичной политики)

Заместители главного редактора

А. Г. РУМЯНЦЕВ (Институт права и публичной политики)
А. А. ТРОИЦКАЯ (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Ответственный секретарь

А. В. КРЕЦУЛ

Редакторы

С. Д. Афанасьев
М. Сидорович
С. Ф. Успенская
А. А. Швец

Корректоры

М. Сидорович
С. Ф. Успенская

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-62147 от 19 июня 2015 года

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 500 экз. Периодичность — 6 номеров в год. Цена свободная.

Подписано в печать 26 февраля 2021 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Шепкина, д. 8.

Для корреспонденции: 129090 Москва, а/я 140.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35.

Отпечатано: 000 «Буки Веди»

117246, г. Москва, Научный проезд, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202.

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© Институт права и публичной политики, 2021

МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОВОСТЕЙ

ДЕКАБРЬ • 2020 — ЯНВАРЬ • 2021

4

Бельгия, Венгрия, Египет, Испания,
Португалия, Россия, США, Украина

ЭТАЖИ ДЕМОКРАТИИ**КОНЦЕПЦИЯ ВИДОВ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА**

17

Дмитрий Киреев

КОНСТИТУЦИЯ И ПОЛИТИКА**СПОЙЛЕРСТВО КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ**

47

Павел Блохин

**ПУБЛИЧНЫЕ СЛУШАНИЯ КАК ИНСТИТУТ
ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ В КРУПНЕЙШИХ
МУНИЦИПАЛИТЕТАХ РОССИИ И США**

59

Андрей Фурсов

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ**СЕЛЕКТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ?
АРГУМЕНТАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
О СРОКАХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА
В ЗЕРКАЛЕ КОГНИТИВИСТИКИ**

84

Александра Троицкая

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ**НАДКОНСТИТУЦИОННЫЕ НОРМЫ
В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ**

100

Дмитрий Шустров

РЕЦЕНЗИЯ**ПОСТОЯНСТВО В ИЗМЕНЧИВОСТИ:
ОБ ИСТИННЫХ ПРИЧИНАХ НЕОТРАЗИМОЙ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИЙ
ЭКЗОТИЧЕСКИХ СТРАН**

128

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

THE OXFORD HANDBOOK OF CARIBBEAN CONSTITUTIONS /
ED. BY R. ALBERT, D. O'BRIEN, S. WHEATLE. OXFORD:
OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2020

Андрей Медушевский

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ**ОБЗОР ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ**

157

№ 49-П — 50-П • 2020, № 1-П — 3-П • 2021

**ОБЗОР ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ**

167

№ 2867-0-Р, 3029-0 • 2020, № 1-0, 2-0 • 2021

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL REVIEW

1 (140) • 2021

Founder and Publisher

Institute for Law and Public Policy
<https://www.ilpp.ru>

Editorial Advisory Board

A. AVTONOMOV (Griboedov Institute of International Law and Economics)
 A. BLANKENAGEL, Co-Chairman (Humboldt University, Germany)
 N. BOGDANOVA (Lomonosov Moscow State University)
 A. DOLZHIKOV (Saint Petersburg State University)
 E. GRITSENKO (Saint Petersburg State University)
 S. HOLMES (New York University, USA)
 I. KENENOVA (Lomonosov Moscow State University)
 A. KOVLER (Institute of Legislation and Comparative Law)
 M. KRASNOV (Higher School of Economics)
 V. LAFTISKY (Kutafin Moscow State Law University)
 A. MEDUSHEVSKY, Co-Chairman (Higher School of Economics)
 A. SAJÓ (Central European University, Hungary)
 I. SHABLINSKY (Higher School of Economics)
 R. UITZ (Central European University, Hungary)
 A. VASHKEVICH (European Humanities University, Lithuania)

Editorial Board

I. ALEBASTROVA (All-Russian State University of Justice)
 P. CHAISTY (St. Antony's College in the University of Oxford, UK)
 A. CHIRNINOV (Institute of Philosophy and Law, UB RAS)
 A. DZHAGARYAN (Bar Association "Muranov, Chernyakov and Partners")
 T. KHRAMOVA (Higher School of Economics)
 O. KRYAZHKOVA (Russian State University of Justice)
 B. NOBLE (University College London, UK)
 W. PARTLETT (Melbourne Law School, Australia)
 D. SHUSTROV (Lomonosov Moscow State University)
 D. SMILOV (Sofia University, Bulgaria)
 S. TYULKINA (University of New South Wales, Australia)
 S. ZAIKIN (Kutafin Moscow State Law University)

Editor-in-Chief

O. SIDOROVICH (Institute for Law and Public Policy)

Co-Editors-in-Chief

A. RUMYANTSEV (Institute for Law and Public Policy)
 A. TROITSKAYA (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Secretary

A. KRETSUL

Proofreaders

S. AFANASIEV
 M. SIDOROVICH
 A. SHVETS
 S. USPENSKAYA

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
 Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation
 Tel.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35
 E-mail: journal_sko@mail-ilpp.ru
<https://academia.ilpp.ru/en/comparative-constitutional-review/>

© Institute for Law and Public Policy, 2021

CONSTITUTIONAL WATCH

DECEMBER • 2020 — JANUARY • 2021 **4**
 Belgium, Egypt, Hungary, Portugal, Russia, Spain, Ukraine, USA

LANDSCAPES OF DEMOCRACY

THE CONCEPT OF TYPES OF POPULAR REPRESENTATION **17**
 Dmitry Kireev

CONSTITUTION AND POLITICS

SPOILERS AS A FORM OF ABUSE OF POWER **47**
 Pavel Blokhin

PUBLIC HEARINGS AS AN INSTITUTION OF DELIBERATIVE DEMOCRACY IN MAJOR RUSSIAN AND AMERICAN CITIES **59**
 Andrey Fursov

LEGAL REASONING

SELECTIVE RATIONALITY? ARGUMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE TERMS OF OFFICE OF THE PRESIDENT IN THE MIRROR OF COGNITIVE SCIENCE **84**
 Alexandra Troitskaya

THEORY OF CONSTITUTION

SUPRA-CONSTITUTIONAL NORMS IN CONSTITUTIONAL LAW **100**
 Dmitry Shustrov

BOOK REVIEW

PERSISTENCE IN CHANGES: ON THE TRUE CAUSES OF THE IRRESISTIBLE ATTRACTION OF THE CONSTITUTIONS OF EXOTIC COUNTRIES **128**
 BOOK REVIEW
 THE OXFORD HANDBOOK OF CARIBBEAN CONSTITUTIONS /
 ED. BY R. ALBERT, D. O'BRIEN, S. WHEATLE. OXFORD:
 OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2020
 Andrey Medushevsky

IN THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT

REVIEW OF LEGAL REASONING IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT JUDGMENTS **157**
 NOS. 49-P – 50-P • 2020, NOS. 1-P – 3-P • 2021

REVIEW OF LEGAL REASONING IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT RULINGS **167**
 NOS. 2867-0-R, 3029-0 • 2021, NOS. 1-0, 2-0 • 2021

РЕЦЕНЗИЯ

Постоянство в изменчивости: об истинных причинах неотразимой привлекательности конституций экзотических стран

Андрей Медушевский*

The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. Oxford: Oxford University Press, 2020

В большой международной литературе по сравнительному конституционному праву основные теоретические наблюдения и конструкции обычно делаются на базе изучения главных западных моделей. Это вполне естественно, поскольку опыт стабильных демократий в их исторических и политических проявлениях сформировал основу и источник вдохновения для многих новых государств, стремящихся создать сходные формы конституционного правления, несмотря на различные культурные и социальные препятствия. Однако этот подход подменяет проблему её идеальным решением, иногда игнорируя весь тот комплекс эмоций, сомнений, завышенных ожиданий, разочарований и интересов, которые представлены в регионах и странах так называемой периферийной зоны правового развития, вынужденных искать свою собственную стратегию конституционной модернизации в совершенно отличных культурных и политических условиях. Эта проблема находится в центре монументального рецензируемого труда — «Оксфордского пособия по конституциям стран Карибского региона». Книга даёт хорошую основу для всестороннего научного обсуждения ситуации одного из таких регионов — очень специфической группы стран, ранее являвшихся частью великих европейских колониальных империй, позднее провозгласивших независимость и сейчас пребывающих в постоянном процессе конституционного самоопределения в попытках отыскать свой собственный путь в правовой глобализации. Внимательно суммируя материалы и идеи этого коллективного труда, автор настоящей рецензии обсуждает ряд общих концептуальных тем данного типа конституционализма: роль общей культуры и истории в смене доколониального, колониального и постколониального этапов правового развития; вклад «колониального наследия» в формирование конституционализма этих стран после обретения независимости. Кроме того, в рецензии переосмысливаются место импортированного имперского конституционного дизайна в установлении самобытного регионального конституционализма и административного управления, специфический тренд к гибридизации различных правовых традиций, норм и институтов в процессе их эволюции и селекции путём конституционных поправок, конституционной юриспруденции и проектов реформ. В заключительной части рецензии автор суммирует свои взгляды на баланс преемственности и разрывов правового развития в Карибском регионе в сравнении с текущей конституционной трансформацией постсоветского региона.

DOI: 10.21128/1812-7126-2021-1-128-156

→ *Правовые традиции; карибские конституции; колониальное наследие; колея; правовая идентичность; импортированный и выращенный конституционализм; конституционные дисфункции; конституционная гибридизация; постсоветская конституционная трансформация*

* Медушевский Андрей Николаевич — доктор философских наук; ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: amedushevsky@mail.ru).

Не будет, вероятно, преувеличением сказать, что в сознании европейского читателя культура стран Карибского бассейна воспринимается как экзотика, овеянная романтическими историями о пальмах, пиратах, испанских галеонах с золотом, похищаемых красавицах, звоне шпаг и другими подобными детскими впечатлениями в стиле истории капитана Блада. Для российского читателя, заставшего советскую эпоху, к ним добавляется набор ассоциаций, связанных с революционными мифами — о жестоких диктатурах, рабстве, кровопролитных восстаниях, самоотверженной борьбе за свободу при трагическом осознании её полной безнадёжности. Нельзя сказать, что это восприятие полностью лишено оснований — страны Карибского бассейна в силу исключительного географического положения на перекрёстке культур и на пересечении морских путей, а также в силу конфликтов цивилизаций и чрезвычайного многообразия этнических отношений действительно обладают этими свойствами, напоминая авантюрный роман, действие которого разворачивается в реальном времени. Однако с этим впечатлением точно никак не ассоциируется понятие конституционализма, тем более что речь идёт о колониях, длительное время находившихся под полным контролем «великих» европейских держав, то есть о территориях, проекция государственности которых проявлялась едва ли не исключительно в почтовых марках, особенно ценившихся советскими филателистами в силу их красочности и редкости.

Оксфордский том о карибских конституциях¹ определённо бросает вызов этим представлениям и делает это достаточно убедительно. Большой авторский коллектив (насчитывающий несколько десятков исследователей из разных стран) поставил перед собой задачу дать максимально полную реконструкцию конституционализма данного глобального региона — прежде всего, стран Карибского Содружества (англ.: *Caribbean Commonwealth*, CARICOM). В задачу реконструкции входило следующее: проследить культурные, экономические и социальные предпосылки данного региона; раскрыть все этапы истории его развития, которая охватывает доколониальный, колониальный и постколониальный периоды; выявить особенности различных правовых традиций, связанных с преобладанием соответствующих государств-метрополий; показать вариативность их развития по всем странам региона; представить новейший период в его достижениях и трудностях; осветить состояние прав человека, государственности и судебной власти; охарактеризовать проблемы и перспективы конституционных и политических реформ в контексте глобализации и воспроизводства национальных традиций.

Большим достижением авторов, на наш взгляд, является то, что при большой эмпирической насыщенности труда они не упускают из виду сравнительный аспект проблемы — соотнесение выводов по странам и субрегионам с основными мировыми трендами конституционной модернизации. Следует специально подчеркнуть высокую академическую планку исследований и предложенных оценок. Авторам, прекрасно чувствующим культуру Карибского региона, удалось избежать двух крайностей, с которыми иногда приходится сталкиваться в региональных исследованиях: с одной стороны, покровительственного отношения к объекту исследования с позиций более высоких «западных» стандартов, с другой — неумеренных преувеличений «самобытности» региона, отдающих периферийностью и локальным патриотизмом. В целом поставленная задача в книге успешно решена — карибский конституционализм входит как самостоятельная и очень важная часть в систему глобального конституционализма. Кроме того, в работе представлен его характерный «образ», отличный от других регионов мира, и сделан ряд

¹ The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. Oxford : Oxford University Press, 2020.

теоретических и практических выводов, позволяющих использовать эту книгу как в научных исследованиях, так и в области правового образования.

В данной статье обратимся к тем параметрам темы, которые важны с позиций сравнительного права, глобального конституционализма, евразийского правового пространства, а также осмысления технологий правовых, административных и судебных реформ в обществах переходного типа. Это, возможно, сделает оправданным тот факт, что данное исследование является взглядом на карибские конституции и на их проблемы из Москвы и с учётом принципиальных различий юридических теорий, традиций и институциональных практик регионов, столь удалённых друг от друга на карте мира. Данные параметры включают: общие культурные основы региональной самобытности конституционализма Карибского региона; поиск правовой идентичности с обретением независимости; конституционный дизайн в Карибском Содружестве, определяющийся принятием вестминстерской системы и спецификой её региональных трактовок; роль правовых заимствований, степень их укоренения и параметры воспроизводства. Особого внимания заслуживают тенденции к гибридизации различных моделей; конституционные принципы в контексте англосаксонской и европейской правовых традиций; эволюция их судебной интерпретации с учётом структуры высших апелляционных инстанций; перспективы конституционной трансформации; её движущие мотивы и препятствия. В заключении рецензии баланс преемственности и разрывов конституционной стабильности в Карибском регионе суммируется и исследуется в соотношении с постсоветским опытом конституционной трансформации.

1. Общие культурные основы региональной самобытности конституционализма

Конституционализм определяется в книге как принцип, согласно которому осуществление исполнительной власти должно ограничиваться нормами, определяющими действительность законодательной и исполнительной акции, предписывая процедуры её осуществления или ограничения её допустимого содержания². В этом определении отражены универсальные признаки классического конституционализма, связанного с принятием демократической модели государственной власти. Однако насколько оно отражает специфику региона, в котором вся система правления исторически основывалась на колониальном господстве ведущих держав, социальные отношения строились на основе жёсткой иерархии, а представительные институты имели вспомогательное значение, воспроизводя контроль метрополий над локальными правящими группами и олигархическими элитами?

Сама постановка этого вопроса указывает на наличие проблемы правовой идентичности в данном регионе и позволяет говорить об особом типе «колониального конституционализма», имевшего выраженные экономические, социальные и политические параметры. Общей основой экономики, определявшей образ жизни, являлись плантационное хозяйство, где привезённые из Африки рабы занимались производством тростникового сахара, рома и сигар, либо работорговля. Социальные отношения определялись разделением населения на рабов и белых рабовладельцев, не считая незначительной прослойки купцов, чиновников и миссионеров, а система управления основывалась на бесправии, подавлении и централизации власти. Возникновение этой системы,

² Определение взято из работы: *de Smith S. A. Constitutionalism in the Commonwealth Today // Malaya Law Review. Vol. 4. 1962. No. 2. P. 205–220, 205.*

определившей «колониальное наследие» (англ.: *colonial legacy*), происходит почти спонтанно — по мере захвата соответствующих территорий и истребления местного (туземного) населения — и лишь позднее получает известное идеологическое выражение в виде имперской идеологии, смены доктрин меркантилизма, свободной торговли, аболиционистского движения.

Однако при общности этих культурных факторов выделяются три типа колониальной политики, которые связаны с различием правовых систем, управления и целей ведущих колониальных империй, представленных в Карибском регионе, — Британии, Франции и Голландии. Для Британии характерно рассмотрение колоний как самоуправляющихся сообществ, интегрированных в империю и управляемых с помощью представляющих корону генерал-губернаторов, что подразумевает под собой самоуправление, основанное на *предполагаемом доверии* колоний к монархии в интересах их продвижения на уровень «цивилизации». Для Франции как унитарного государства характерно рассмотрение колоний, или «заморских территорий», с позиций *взаимной пользы* — как части «органического единства» — члена государственного механизма как единого целого, исключавшего предоставление колониям какого-либо самоуправления, воспринимавшегося как подрыв национального единства. Для Голландии типичным становится ещё более прагматический подход к колониям — построение отношений исключительно с позиций *финансовых и хозяйственных интересов* метрополии, что предполагает жёсткий бюджетный административный контроль центрального правительства, а в случае его невозможности — продажу колонии как товара. Таким образом, институциональная система карибских колоний изначально определялась различием целей политики метрополий: самоуправление и предоставление делегированных полномочий в первом случае, ассимиляция — во втором, коммерческая рентабельность — в третьем³.

Результатом стало появление различных моделей протоконституционализма и системы институтов в колониях трёх типов. *Британские колонии*, наиболее многочисленные и объединённые понятием Карибского Содружества как части Британского Содружества, ориентировались на модель вестминстерской системы в том виде, в каком она существовала в XVII веке, хотя к концу XIX века она была практически повсеместно заменена прямым колониальным правлением короны. Это была система авторитарного правления губернатора, назначаемого из Лондона, которая лишь после Второй мировой войны была заменена формой внутреннего самоуправления, основанной на постепенном введении модернизированной вестминстерской модели. С обретением странами региона независимости, начиная с 1960-х годов, данная модель сохранялась в качестве основы их конституционного устройства⁴.

Французские колонии исторически ориентированы на систему централизованного административного управления, возникшую при абсолютизме, но сохранившуюся и после Французской революции (в виде заморских департаментов). Как ранее, так и сейчас, господство метрополии построено на полной интеграции карибских территорий во Французскую Республику и имеет характер вертикального административного управления сверху вниз. Два основных принципа управления — ассимиляция (законодательной идентичности территории с метрополией) и специфика (учёт местных правовых особенностей) — менялись местами, но не шли дальше ограниченного самоуправления. Из четырёх карибских заморских департаментов Франции ограниченные формы прото-

³ См.: *Stirton L., Lodge M. Constitutionalism and Colonial Legacies in the Caribbean // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.25–46.*

⁴ См.: *O'Brien D. The Commonwealth Caribbean and the Westminster Model // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.131–161, 160–161.*

парламентаризма полностью отсутствуют в Гваделупе, но представлены на Мартинике, в Сан-Мартене и Сен-Бартеlemi, где локальные представительные институты могут выразить вотум недоверия администрации, но не более чем в рамках ограниченной административной автономии, а избирательная система устроена таким образом, чтобы обеспечить подавляющее политическое большинство системным партиям во избежание блокирования территориальной исполнительной власти со стороны оппозиции. Идеи независимости, хотя и высказываются время от времени, не получают сильной политической поддержки, поскольку население устранивает принадлежность территорий к Франции и через неё к правовым стандартам Европейского Союза. Степень независимости заморских департаментов от центрального правительства здесь даже выше, чем внутри Франции, что позволяет рассматривать их как своеобразные лаборатории по изучению эффекта децентрализации и возникновения местной демократии для других департаментов. Поскольку заморские территории представляют собой части единого государства, интегрированного в систему децентрализованного управления, здесь становится трудно говорить о «конституционализме» в аутентичном смысле⁵.

Голландские колонии ориентировались на монопольное правление Вест-Индской компании, выстроенное как федерация палат, ответственных за разные колонии под руководством Совета десяти, действовавшего вне контроля со стороны колоний. Голландская колониальная империя была меньше других, однако её владение колониями было более кратковременным (за исключением Индонезии, Суринама и Нидерландских Антильских островов), а направления их эксплуатации — очень различными (аграрное производство, плантационное хозяйство и работорговля). В силу разнообразия населения и форм управления голландские колонии получали чрезвычайно различный статус в рамках квазифедерализма и автономии территорий королевства. В связи с этим различалась и их судьба — от предоставления независимости (Суринам получил её в 1975 году) до уступки англичанам или сохранения разных форм зависимости, включая на современном этапе также проблематику общего гражданства и отношений с ЕС, в который вошла Голландия⁶.

С переходом большинства этих колоний к независимости после Второй мировой войны эти параметры колониального правления оказали существенное влияние на конституционный строй соответствующих государств, позволяя говорить о существовании колониального «эффекта колеи» в новейшее время. Этот эффект, однако, как подчёркивается в книге, не исключает большой гибкости постколониальных моделей конституционализма, ориентированных на сравнительный контекст, способных учитывать вариативность траекторий конституционного развития и экспериментировать с их реализацией в различных культурных условиях, в том числе путём заимствования институтов и административных практик из бывших колониальных владений этих держав в Африке, Азии или Океании.

Взаимодействие чрезвычайно различных правовых традиций и заимствований в странах Карибского региона включает в себя пересечение западных и восточных, доколониальных и постколониальных традиций, элементы основных правовых семей — общего и континентального права; отражает особенности испанского, английского, француз-

⁵ См.: *Marrani D., Sydoryk S.* The Constitutional Framework of the French Caribbean: Guadeloupe, Martinique, Saint Martin and Saint Barthelemy // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.272–299.

⁶ См.: *Broekhuijse I., Hirsch Ballin E., Ranchordas S.* The Constitutions of the Dutch Caribbean: A Study of the Countries of Aruba, Curaçao and Sint Maarten and the Public Entities of Bonaire, Sint Eustatius and Saba // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.216–241.

ского, голландского, советского права, а в новейшее время — права ЕС. Это пёстрое многообразие, однако, не создаёт негативного восприятия, напоминая скорее сложный карибский коктейль с оригинальным вкусом, вызывающий у европейского наблюдателя ощущение неотразимой экзотической привлекательности.

2. Обретение независимости и поиск правовой идентичности в странах Карибского региона

Поиск правовой идентичности в постколониальный период опирается на три идеи — преодоление колониализма, расовую идентичность и ориентацию на креольскую самобытность. *Преодоление колониализма* — общий вектор правового развития всех стран региона с обретением независимости в 1960–1970-х годах, основанный на поиске его аутентичных исторических корней (связанных с правовыми традициями туземных народов, уничтоженных в период колониальных захватов). Колониализм воспринимается как глубокая травма во всех странах региона и ассоциируется с геноцидом туземного населения (индейцев), рабством и работорговлей в Африке, системой жестокого порабощения населения европейскими колонизаторами, вывозом ресурсов из стран региона, на долгое время затормозивших его развитие, но ставших основой экономического процветания Европы в эпоху индустриальной революции и развития капитализма. Сопrotивление колониализму (главным символом которого остаётся революция на Гаити — восстание негров в начале XVIII века) рассматривается как импульс освободительного движения, включающего в себя национальное и конституционное самоопределение всего Карибского региона.

Поиск расовой идентичности представлен движением «Власть чёрных» (англ.: *Black Power movement*), ставшим важным фактором в Северной Америке и на Карибах практически одновременно с обретением колониями независимости. Его расцвет приходится на 1960–1970-е годы, когда молодое поколение негритянского населения, получившее возможность образования, осознало, что политическая независимость не затронула многие социальные, экономические и расовые аспекты наследия колониализма (англ.: *racial legacy*), а её провозглашение обернулось «фальшивой деколонизацией» (используя выражение Ф. Фанона). Это наследие охватывало экономическое неравенство, неадекватное политическое представительство чёрного населения, подавление африканского культурного возрождения в религии и музыке, продолжение расовой дискриминации в правовой и образовательной системе, гражданской службе, а также бытовой жизни. Совпадая по времени с другими важными социальными изменениями — освобождением колоний Африки и Азии, движением чёрного населения за права в США, протестами против войны во Вьетнаме, — движение «Власть чёрных» на Карибах (опираясь на сообщество мигрантов из Африки) делало ставку на расовый фактор, но проявляло себя поверх классов и этносов, выразив запрос на преодоление «наследия рабства и колониализма в регионе» (англ.: *legacy of slavery and colonialism in the region*). Хотя в целом данное движение получило ограниченную социальную поддержку, оно оказалось в полной мере представлено в Тринидаде и Тобаго и на Ямайке, охватив практически все государства региона — Барбадос, Сент-Винсент, Антигуа и Барбуду, Гайану, а также установило тесные отношения с Кубинской революцией, став «необходимой частью деколонизации» и её конституционного выражения⁷.

⁷ См.: Lewis R. *Black Power in the Caribbean* // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 606–630.

Третье направление поиска идентичности региональной правовой системы представлено *идеями креолизации* (англ.: *creolization*), выступающей, по мнению ряда авторов, наиболее перспективным инструментом создания аутентичных институтов правовой системы, конституционных принципов и их интерпретации. Креолизация — как считает один из редакторов рецензируемого тома С. Уитл — феномен синтеза разнообразия, продукт взаимного смешения народов в определённых локациях, позволяющий создать новые сообщества, культурные образцы, «синкретическое единство идентичностей, идей и норм», соединить сложные идентичности и язык, который выявляет инновационный потенциал в отношении как языка вообще, так и юридического языка в частности. На этой основе, полагает автор, возможно создание более аутентичного конституционализма и развитие более отчётливой карибской версии принципов верховенства права, разделения властей и других взаимосвязанных принципов⁸.

Представляет интерес оценка самой ситуации постколониализма в перспективе выстраивания конституционной идентичности. Конституционные принципы в этой логике выступают гибким посредником между внешними влияниями и местными социально-правовыми императивами, являясь площадкой для взаимодействия между различными карибскими юрисдикциями и создавая основу для карибской конституционной идентичности (англ.: *construction of Caribbean constitutional identity*). Развитие конституционной идентичности идёт через принятие принципов, создание конституций и их судебную интерпретацию. Однако устоявшаяся трактовка «верховенства права», считают критики, неадекватна постколониальной ситуации, поскольку закрепляет подчинённую позицию карибского права в транснациональной перспективе. Она исходит из предположения о том, что европейские страны — «учителя», а развивающиеся страны (особенно бывшие колонии) — их «ученики», причём их достижения должны оцениваться и измеряться исключительно с точки зрения соответствия этим стандартам. Верховенство права в этой трактовке есть не что иное, как реинкарнация «цивилизующей миссии» как оправдания колониализма, на этот раз в виде аксиоматического требования верности европейским стандартам⁹.

Этот критический подход, во многом напоминая отказ от европоцентризма и поиски правовой самобытности в странах Восточной Европы, постсоветского пространства и России, заслуживает особого внимания. Асимметрия международного и национального права, зародившаяся в колониальный период, по мнению карибских наблюдателей, выражалась в противопоставлении «цивилизированных» и «нецивилизированных» народов и соответствующем решении проблемы суверенитета. Эта демаркация, выражая суть колониализма, утверждает, что занятие земли нецивилизированными народами не устанавливает суверенитета этих народов, поскольку суверенитет над территориями и права собственности по определению присущи только цивилизованным народам. Это представляет Англию и общее право как «воплощение зрелой государственности и конституционализма, а бывшие колонии с их новыми конституциями — правовыми отпрысками, преисполненными надежд достичь идеала, но ещё не обладающими качествами полноценного демократического конституционализма»¹⁰. Эти постулаты, хотя, конечно, в менее явной форме, присутствуют в современной правовой доктрине и юридических отношениях, закрепляются в системе понятий и юридическом языке (право «цивилизо-

⁸ См.: *Wheatle S. Constitutional Principles: Forging Caribbean Constitutionalism // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 79–104.*

⁹ См.: *Ibid.* P. 80, 90.

¹⁰ *Ibid.* P. 93.

ванных стран и народов» по-прежнему упоминается в судебных решениях стран Карибского региона). Выход усматривается в тотальной деколонизации права — выражении «незападных императивов», интеграции национального права (в работе действующих *Integrity Commissions*), возрождении правовой культуры уничтоженных цивилизаций индейцев (англ.: *Amerindians*), пересмотре нарративов, юридического языка, терминологии судопроизводства, то есть в таком сочетании европейских и локальных перспектив, которое позволяет осуществлять «наш конституционалистский дискурс и практику». Креолизация в этом понимании — процесс поиска соотношения между глобализацией и регионализацией, в рамках которого устанавливается баланс между международным и национальным правом государств региона, колониальным прошлым, постколониальным настоящим и независимым будущим, что способствует выработке «истинно карибского видения конституционного права» (англ.: *truly Caribbean vision of constitutional law*)¹¹. Отметим, однако, что авторы книги не единодушны в оценке эффекта креолизации в правовом развитии: если одни видят в ней перспективный путь обретения конституционной идентичности, то другие указывают на опасность её популистского и националистического истолкования, проявившегося в некоторых государствах региона.

3. Конституционный дизайн в Карибском Содружестве: вестминстерская система и специфика её региональных трактовок

В странах Карибского Содружества представлено значительное число стран, являвшихся колониями Великобритании, — Антигуа и Барбуда, Багамы, Барбадос, Белиз, Гренада, Гайана, Доминиканская Республика, Сент-Китс и Невис, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Ямайка. Все эти страны, последовательно получившие независимость от Великобритании в период 1960–1980-х годов, объединены рядом параметров: вестминстерской системой правления, сравнительно незначительным уровнем различий в организации государственной власти (восемь стран имеют двухпалатные парламенты, а четыре — однопалатные), а также тем, что воплощают вариант «парламентаризма на экспорт», непосредственно заимствовав его из метрополии¹².

Экспортный парламентаризм — интересный пример для сравнительных исследований, поскольку позволяет поставить проблему успешности заимствования классической модели британского парламентаризма в совершенно иной политической культуре. Вестминстерская модель, согласно представленному определению, означает конституционную систему, в которой глава государства не является действующим главой правительства; действующим главой правительства является премьер-министр, осуществляющий функции руководителя Кабинета, составленного из министров, над назначением и смещением которых он имеет как минимум значительный контроль. В этой системе действующая исполнительная ветвь правления является парламентской, поскольку министры должны быть членами легислатуры и являются коллективно и индивидуально ответственными перед свободно избираемой представительной легислатурой¹³.

Вестминстерская система правления предполагает разделение институтов главы государства и главы правительства. В этой логике с переходом британских колоний к неза-

¹¹ *Wheatle S.* Op. cit. P.80.

¹² См.: *Ghany H.* Constitutional Design in the Commonwealth Caribbean // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.47–78.

¹³ Определение взято из работы: *de Smith S.A.* *The New Commonwealth and Its Constitutions.* London : Stevens and Sons, 1964. P.77–78.

висимости эволюция вестминстерской системы выражалась в трансформации института колониального губернатора в генерал-губернатора. Это означало, что губернатор перестаёт управлять от имени её Величества, но становится представителем королевы в соответствии с традициями британской демократии. Подобная эволюция происходила практически во всех бывших колониях с обретением независимости. В этой модели королева по совету премьер-министра назначает генерал-губернатора, выполняющего роль квазиисполнительной власти (англ.: *quasi-executive role*), что делает необходимым принятие конституции и введение Кабинета министров во главе с премьером¹⁴.

При ближайшем рассмотрении, однако, выясняется, что, заимствуя вестминстерскую систему, колонии дали иное прочтение её фундаментальным принципам. На деле эти страны, подчёркивают эксперты, не имели аутентичной вестминстерской системы: то, что они получили, — это не система Вестминстера (англ.: *Westminster model*), но система Уайтхолла (англ.: *Whitehall model*) или их комбинированный вариант (англ.: *Westminster-Whitehall model*)¹⁵. Причины этого многообразны: в отличие от Соединённого Королевства, которое имеет неписаную конституцию, все страны Карибского Содружества имеют писанные конституции. Главные особенности комбинированной системы (Вестминстера-Уайтхолла) таковы: 1) уникальная бикамеральная система; 2) Билль о правах, зафиксированный в конституции; 3) кодификация вестминстерских конституционных конвенций; 4) усилившаяся в последнее время эквивалентность в разделении властей; 5) защита системы статьями конституции. Кроме того, верхние палаты (сенаты) являются назначаемыми; их назначения производятся главой государства по совету премьер-министра или на основе собственной дискреционной власти последнего, но могут быть отменены в любое время. Таким образом, в отличие от Великобритании (Палата лордов) или Канады (Сенат) у местных сенаторов нет гарантии продолжения службы после роспуска парламента. В условиях обретения независимости вестминстерская система не навязывалась британцами, однако у местных властей не было иных адекватных инструментов организации правительства. Попытки внесения изменений в конституции независимости имели место, но не привели к радикальным изменениям модели. Принципиальное отличие аутентичной вестминстерской модели от модели Уайтхолла состоит в том, что первая обеспечивает всевластие парламента, а вторая (при слабости парламента) — фактическое господство исполнительной власти во главе с премьер-министром. Стабильность этой системы определяется не тем, что она создаёт новый политический порядок, но тем, что она устраивает местные элиты.

В этом контексте важна дискуссия по вопросу об аутентичности вестминстерской модели в карибских странах. Характерными оказываются следующие споры: остаются ли британские институты (вестминстерская система) в статусе «навязанных» странам региона извне, или они уже стали частью исторической традиции карибских стран; должны ли они быть оценены как «колониальные» или обретшие «независимость»; являются ли они «инкорпорированными» или «интегрированными» в местное сообщество; выступает ли конституционный дизайн в регионе местным или импортированным (англ.: *indigenous or imported*)? Если принять тезис о том, что институты являются изначально импортированными, то в какой мере они были модифицированы после обретения независимости, и соответствуют ли они местным условиям? Тем самым решается вопрос об объёме желательной конституционной реформы, то есть о том, должна ли она

¹⁴ См.: Cross J.E. The Vestiges of Colonial Constitutionalism // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.631–649, 632.

¹⁵ См.: Ghany H. Op. cit. P.49.

радикально изменить сами основы заимствованной (и потому неработоспособной) системы, или, напротив, она должна исходить из адекватности и эволюционной преемственности, скорректировав лишь отдельные элементы, вступающие в противоречие с автохтонным развитием региона¹⁶.

В целом это ставит ряд общих теоретических проблем: экспортируема ли вообще вестминстерская система, или это в принципе невозможно; если невозможно, то что в таком случае действительно экспортировалось, каковы мотивы и следствия принятых решений и действий? Обращает на себя внимание сходство самого списка обсуждаемых вопросов с теми, которые поставлены в странах постсоветского региона, где они также остаются предметом реформ и жёсткой идеологической полемики.

4. Тенденции к гибридизации различных моделей в карибских странах

Гибридизация в конституционном конструировании — это попытка соединить (порой эклектически) элементы различных правовых систем с тем, чтобы добиться их иного функционирования. С учётом специфики исторической трактовки вестминстерской системы в Карибском регионе представляет значение ещё один источник заимствований — американская система. Она обрела известную популярность как в силу географической близости США к странам региона, так и в результате попыток найти альтернативу системе Вестминстера-Уайтхолла в карибских странах. Несмотря на опасение уйти слишком далеко от британской системы институтов, в странах региона прослеживается стремление импортировать некоторые элементы президентской системы правления для предотвращения эксцессов власти премьер-министров.

Как известно, в самой Великобритании используется понятие избираемой диктатуры, под которым понимается система парламентского правления, наделяющая властью премьер-министра, который получает практически неограниченную свободу действий, с одной стороны, контролируя парламент (при опоре на большинство своей партии), и, с другой стороны, не неся реальной ответственности (а только символическую) перед монархом. Этот вакуум ответственности стал предметом критических дебатов в Соединённом Королевстве на современном этапе, заставив искать новые пути её обеспечения¹⁷. В карибских странах система не содержала даже тех ограничений, которые представлены в аутентичной британской вестминстерской системе, — неписаной конституции, многочисленного парламента, сдерживающего влияния аристократии и монархии. Это открывало перспективы для установления полного (однопартийного) контроля над парламентом, сверхконцентрации власти в руках премьер-министра и для продолжительных периодов злоупотребления властью со стороны правящей партии и её лидера. Господство прямого колониального правления в данном регионе в течение столетия означало, что эти страны не имели возможности развивать конвенции и практики, которые в течение веков развивались в Великобритании и были ключевыми в работе вестминстерской модели. В результате, в отличие от Великобритании, в странах региона исполнительная власть стала преобладать в обеих палатах легислатуры; премьер-министр был наделён чрезвычайной властью политического патронажа над широкой сетью публичных чиновников и институтов, что со временем сделало для них трудным выполнение

¹⁶ См.: Ghany H. Op. cit. P.76—78.

¹⁷ См., например: Великобритания: эпоха реформ / под ред. А. А. Громыко. М. : Весь мир, 2007.

их конституционной функции, которая заключалась в обеспечении гарантий против злоупотреблений исполнительной власти¹⁸.

С обретением независимости странами региона выяснилось, что всё большее число политических лидеров стремится к постоянному удержанию власти, выдвигая свою кандидатуру на выборах неограниченное число раз. Подобная ситуация облегчалась тем, что парламентская система вестминстерского образца не содержит для этого никаких конституционных ограничений. Выход из ситуации усматривается в заимствовании ряда ключевых элементов вашингтонской модели (классической президентской системы США), в частности в введении чётких дат переизбрания и сроков пребывания одного лица в должности премьер-министра. Принятие подобной конституционной корректировки вестминстерской системы определяется как путь её гибридизации — «известная навигация парламентской и президентской систем по обеспечению этих параметров для создания гибрида»¹⁹. В ряде стран в конституции уже внесены соответствующие ограничения срока пребывания в должности премьер-министра для одного лица двумя каденциями, в других эта тема остаётся предметом обсуждения, напоминая соответствующие поиски постсоветских режимов.

Логика конституционного конструирования определяется соотношением внешних и внутренних факторов. В тех регионах, где (как во многих колониях Азии и Африки) проблема взаимодействия европейских норм с местным правом даже не стояла (в силу уничтожения или полного подавления туземного населения с его правовыми традициями), трансплантации европейского права порождали полунезависимые институты, начинавшие жить самостоятельной жизнью и даже вступавшие в конфликты с метрополией. Примером этого в Карибском регионе может служить голландская колония Суринам, где население к концу колониального периода располагало избираемым парламентом, правлением, основанным на разделении властей, и независимой судебной властью²⁰. Однако с обретением страной независимости в 1975 году некоторые из этих достижений были утрачены в связи с установлением режима военного правления (1975—1987) и последующими трудностями перехода к демократии в условиях роста национализма, которые удалось преодолеть с помощью внешней поддержки западных стран. Исключением из общих трендов предстаёт Гайана, которая географически не является частью региона, но имеет культурное и историческое сходство с ним, а также те же проблемы в отношении разделения властей. Уникальность конституционализма данной страны заключается в его общей социалистической ориентации, а также в установленной форме правления. В 1980 году страна приняла полупрезидентскую систему, хотя президент остаётся церемониальной фигурой, а срок его пребывания в должности ограничен двумя мандатами по пять лет²¹. Тем временем Куба вообще выступает как уникальный пример взаимодействия разных правовых традиций — лаборатория конституционных экспериментов, в разное время осуществлявшихся на основе правовых систем Испании, США, СССР и России²².

¹⁸ См.: *O'Brien D.* Op. cit. P. 131—161.

¹⁹ *Ghany H.* Op. cit. P. 67.

²⁰ См.: *Gowricharn R.* Surinam's Constitutional Limits // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 242—271, особенно 243, 270.

²¹ См.: *Haynes J.* The Constitutional Law of Guyana: Challenges and Prospects // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 162—187.

²² См.: *César Guancho J., Fernández Estrada J. A., Hayes B.* The Normative Framework of the Cuban Constitution and the Problems It Poses // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 300—325, особенно 322.

В целом страны региона отдают предпочтение парламентской системе вестминстерского образца, но активно обсуждают возможности её гибридизации с президентской системой США в виде принятия смешанной формы правления по образцу французской Пятой республики (например, в Гайане и Сент-Люсии, формально — на Кубе). В ряде случаев данный тренд к перекрёстным заимствованиям выражается в ретрадиционализации конституционных установлений в колониях, добившихся независимости, но утративших механизмы правового контроля над местной властью, которые ранее обеспечивались колонизаторами.

5. Правовые заимствования: степень укоренения и параметры воспроизводства

Начало конституционной реформы в Великобритании актуализировало ряд проблем неписаной конституции в бывших доминионах — Канаде, Австралии и Южной Зеландии, где неписанные нормы и конвенции парламентских практик Великобритании были кодифицированы в конституциях и даже рассматривались как возможный прототип для реформ в самом Соединённом Королевстве. В той части Карибского региона, которая исторически связана с Великобританией, представлен интересный феномен кросс-культурных заимствований в конституционной сфере. С точки зрения конституционного дизайна очевидно, что в конституциях эпохи независимости было мало новаций. Они появлялись лишь в силу отсутствия сравнимых британских конвенций или практик, когда возникала потребность в обращении к техникам, созданным колониальными властями в других регионах и странах. Так, островное государство Тринидад и Тобаго импортировало ряд таких практик из бывших британских колоний в Африке — Нигерии, Сьерра-Леоне и Танганьики.

Принципиальное отличие конституционализма Карибского Содружества от конституционализма Великобритании состоит в принятии писаных конституций, фиксации в них прав человека и ином порядке защиты конституционности, развивавшемся по мере обретения странами независимости. Кодификация конституционных норм о правах человека шла здесь в целом с опорой на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года (за исключением Тринидада и Тобаго, которым заимствован канадский Билль о правах 1960 года). Гарантии конституционности изменений опираются не на конвенции и прецедентное право, а на специальные защитные нормы конституций. В карибских странах представлено три главных типа таких норм: 1) специальное большинство для прохождения биллей о конституционных поправках; 2) механизмы откладывания во времени между первым и вторым чтениями биллей о поправках; 3) использование постпарламентского референдума для принятия или отклонения поправок, одобренных парламентом²³.

В то же время британские конституционные конвенции остались базисом политической и конституционной системы стран региона, а изменения их интерпретации в самой Великобритании учитываются в регионе, создавая основу для сближения фундаментальных параметров вестминстерской системы. Рассмотрим три характерных примера. Во-первых, до принятия в Соединённом Королевстве Акта о фиксированном сроке полномочий парламента (2011) премьер-министр был вправе советовать монарху дату роспуска парламента, однако после принятия акта возникло две противоположных точки зрения: монарх обязан принять этот совет и установить данную дату, или, напротив, он

²³ См.: *Ghany H. Op. cit. P.62.*

имеет дискреционное полномочие не принимать данной рекомендации. В результате на Карибах представлено две версии данной конвенции. Одни страны (Сент-Люсия, Сент-Винсент, Гренадины и Белиз) предоставляют генерал-губернатору право отказать премьеру в требовании отпуска, но восемь других стран закрепили обязательность выполнения этого запроса премьера. Во-вторых, создание в Соединённом Королевстве Верховного суда (1 октября 2009 года) предоставило основу для большей сбалансированности системы разделения властей в рамках вестминстерской системы. В итоге верхняя палата английского парламента перестала совмещать законодательные и судебные функции. Это привело к появлению большего сходства между Палатой лордов и верхними палатами карибских стран, сенаты которых всегда были исключительно законодательными институтами и не имели судебных функций. В-третьих, отмена в Соединённом Королевстве института лорда-канцлера и создание институтов лорда-спикера и государственного секретаря юстиции ликвидировали историческое различие с карибскими странами, заставлявшее исследователей, как отмечалось ранее, говорить здесь о вестминстерской системе особого рода или использовать вместо неё понятие системы Уайтхолла. Важным элементом обеспечения преемственности конституционных традиций является организация судебной власти в британской части региона. Ключевая проблема заключается в отношениях между тремя уровнями системы конституционного судопроизводства: верховными судами отдельных карибских стран и транснациональными высшими апелляционными судами — Карибским судом справедливости (*далее* — Карибский суд, Суд Карибского Содружества) и Судебным комитетом Тайного совета в Лондоне (*далее* — Суд Тайного совета).

В ряде случаев (14 британских заморских территорий) при закреплении чёткого формального статуса, определяющего отношения с Великобританией как с суверенным государством, между бывшей метрополией и её колониями устанавливаются отношения особого партнёрства в виде поддержания ответственности Соединённого Королевства за свои заморские территории, введения общего гражданства (2002), предоставления в рамках «модернизированной традиции» помощи в институциональном строительстве, а в перспективе — решения вопроса о полноценной независимости. Этот порядок отношений, присущий управлению небольшими островными территориями (наподобие Каймановых островов), — несомненный пережиток Британской империи, иногда становящийся источником новых проблем для Соединённого Королевства²⁴. Примером выступает одна из наиболее проблемных территорий — острова Таркс и Кайкос, где в течение последних десятилетий констатируется настоящий кризис, проявляющийся в крушении верховенства права и конфликте местных властей с британским правительством. В рамках своей ответственности за хорошее управление на островах правительство её Величества было вынуждено отказаться от устоявшейся практики дистанцирования от вмешательства в местные дела, ввести прямое управление из Лондона и пойти на создание особой Комиссии по расследованию (2008), деятельность которой завершилась роспуском легислатуры, судом над премьер-министром и министрами по обвинению в коррупции и махинациях²⁵.

На постимперском пространстве это создало ряд сложных проблем, связанных с соотношением конституционного права, политики и управления, включая право британ-

²⁴ См.: *Dickson S.* The British Overseas Territories of Anguilla, British Virgin Islands, Cayman Islands, Montserrat, and Turks and Caicos Islands: A Modern Approach to a Traditional Relationship // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 188–215.

²⁵ См.: *Clegg P., O'Brien D.* Constitutional Dissonance and the Rule of Law in the Turks and Caicos Islands // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 582–605.

ского правительства устанавливать прямое правление на британских заморских территориях, распускать их законно избранные легислатуры и отменять конституционные права их граждан, правомерность наделения судами британских властей соответствующими дискреционными полномочиями, а в конечном счёте поставило вопрос об общей эффективности британского управления заморскими территориями. Таким образом, чётко представлен конфликт постколониализма между предполагаемой (и юридически зафиксированной) ответственностью британского правительства за качество регионального управления, с одной стороны, и стремлением местных элит преодолеть вмешательство Соединённого Королевства с позиций отстаивания местной автономии, с другой стороны. В целом постановка этих вопросов актуализирует значение традиции и «колониального наследия», запуская конфликтный процесс селекции его компонентов, отделяя актуальные от тех, которые утратили актуальность с обретением независимости или в перспективе её получения.

6. Конституционные принципы: конфликт англосаксонского и европейского права

Специфика интерпретации конституционных принципов в странах Карибского Содружества определяется, с одной стороны, преобладанием традиций общего права, основанных на конвенциях и судебных прецедентах гражданского права, с другой — созданием писаных конституций, открывающих перспективы принятия европейских норм и способов их конституционного толкования. В связи с этим встаёт вопрос о том, как и каким образом должны быть защищены фундаментальные конституционные права в области социальных и экономических отношений. Для стран общего права, ориентирующихся на англосаксонскую традицию, таких как Южная Африка, Индия и Канада, в последнее время характерен рост внимания к социальным и экономическим правам, однако они получают реализацию не столько путём непосредственного закрепления в конституциях, сколько через систему общих гражданских прав. В большинстве англоязычных стран Карибского Содружества также представлено ограниченное выражение конституционной защиты социальных и экономических прав. Исключение составляет Конституция Гайаны, которая имеет наиболее защищённые экономические и социальные права, многие из которых, впрочем, не могут отстаиваться в судах.

Хотя в Содружестве нет специализированного конституционно зафиксированного перечня социальных и экономических прав, ряд стран региона конституционно фиксируют некоторые из них, например право на образование. Все права человека рассматриваются как взаимосвязанные и неразделимые, а защита социальных и экономических прав связана с преодолением нарушений гражданских и политических прав. Там не менее императивы экономической модернизации требуют более чёткой фиксации правовых отношений. В Карибском Содружестве этот подход основан на предпосылке активной социальной политики по их реализации в таких вопросах, как доступ к медицинской помощи, обеспечение занятости, но этот тренд, по признанию экспертов, до сих пор не достигает уровня их трактовки как прав в полном смысле слова (англ.: *rights properly so-called*). В связи с этим их последовательная реализация понимается скорее как образ действия (лат.: *modus operandi*), соотносящийся с проблемами экономики и выборочной концентрации ограниченных ресурсов для поддержания конкурирующих интересов²⁶.

²⁶ См.: James W.R.A. Social and Economic Rights in the Caribbean // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 455–481.

Растущее напряжение между запросами национальной безопасности и правами человека связано как с общими глобальными угрозами «войны с террором», так и со специфическими проблемами стран региона — гангстерскими войнами, наркотрафиком и незаконным перемещением людей. Эти угрозы и реакция на них (совместно с США, Соединённым Королевством и Канадой) суверенных государств, например Ямайки и Тринидада и Тобаго, уменьшают, по мнению критиков, действенность международных норм Организации американских государств — Американской конвенции о правах человека, Американской декларации прав и обязанностей человека — и практики их применения Межамериканской комиссией по правам человека и Межамериканским судом по правам человека, на деле приводя к принятию законов, легитимирующих ограничения фундаментальных прав, введение чрезвычайной ситуации и всего комплекса полицейских мер, делающих актуальным восстановление парламентского контроля над их применением²⁷.

Карибские суды имеют традицию непрямого гарантирования экономических и социальных прав через интерпретацию гражданских и политических прав как включающих социально-экономические права. Карибский суд справедливости пытается изменить данный подход, а именно — согласовать международное и национальное право в этой области с позиций преобладающего влияния первого на последнее. Основным ориентиром в формировании конституционного права Содружества с этих позиций становится для Суда право Европейского Союза, хотя, до настоящего времени, без применения доктрин ЕС о верховенстве и прямом действии. Поэтому в правовой системе констатируется противоречие двух подходов: с одной стороны, это традиционный дуальный подход (уважение к международным договорам и внутреннему праву), с другой стороны, радикальный «постсуверенный» подход ЕС. В этих рамках юриспруденция Карибского суда предстаёт как уникальная попытка выступить за пределы норм ортодоксального общего права в отношении действия международных договоров, но в то же время без отказа от требований суверенитета государств — членов Карибского Содружества²⁸.

Эксперты допускают дальнейшее развитие судебной практики в направлении принятия стандартов ЕС на базе права Содружества. Карибский суд начинает закладывать основы такого порядка и в этих рамках начинает ссылаться на такие принципы, как верховенство права Содружества (англ.: *supremacy of Community law*), не прямое действие (англ.: *indirect effect*), ответственность государств (англ.: *state liability*) и судебное правосудие (англ.: *judicial review*). Эти доктрины и реальное сотрудничество между Карибским судом справедливости и национальными судами обеспечивает, по мнению оптимистов, гармонию между правом Содружества и национальными правовыми системами. Данное сотрудничество может стать ключевым одновременно для углубления карибской интеграции и развития более функциональных отношений между региональной и национальными правовыми системами²⁹. Однако этот оптимистический взгляд, как показано ниже, разделяется далеко не всеми.

До настоящего времени противоречие двух традиций — англосаксонской и европейской — не получило окончательного разрешения, чему способствует включение в

²⁷ См.: *Campbell Y. Rights and National Security // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 482–500.*

²⁸ См.: *Berry D. S. The Effect of the Original Jurisdiction of the Caribbean Court of Justice in Regional Integration and National Law // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 529–554.*

²⁹ См.: *James W.R.A. Op. cit. P. 453.*

конституции независимых стран особых норм, защищающих их от изменений, а также конфликтность различных стратегий судебной интерпретации в регионе. Примером конфликтности в интерпретации конституционных принципов служит вопрос о смертной казни. В Карибском регионе традиционно представлена социальная поддержка этого вида наказания, уходящая корнями в историю и закреплённая в колониальный период. Формальная отмена смертной казни в англоязычных карибских странах затруднена конституционными оговорками, принятыми в конституциях независимых государств с целью обеспечения юридической преемственности с законодательством колониального периода. Поэтому центром тяжести в пересмотре этих норм выступает их судебная интерпретация. Карибский суд справедливости продемонстрировал ясную установку на поддержку международных принципов прав человека, стремясь реализовать их в той мере, в которой это допускается внутренним конституционным правом³⁰.

Однако правомерен вопрос о том, насколько эта активистская позиция Суда с опорой на международное право корректна по отношению к конституциям и не делает ли она судебные инстанции неоправданным конкурентом законодательной власти. Этот вопрос вполне может быть адресован судам постсоветских стран, особенно в контексте споров о соотношении решений Европейского Суда по правам человека и установки на поддержание незыблемости норм национальных конституций, противоречащих данным решениям.

7. Судебная интерпретация конституционных принципов: конфликт текстуального и холистического подходов (Суд Тайного совета и Карибский суд справедливости)

Вопросы интерпретации карибского конституционализма требуют специального рассмотрения в силу специфики организации конституционного правосудия. Она заключается в сосуществовании двух высших судебных инстанций — Судебного комитета Тайного совета и Карибского суда справедливости, между которыми существует конкурентное взаимодействие. Первый суд — наследие колониализма, а его судьи, как правило, не представляют страны региона и мало знают об их жизни. Второй суд создан на основе соглашения, подписанного десятью государствами Карибского Содружества ещё в 2001 году, и, после его инаугурации в 2005 году, состоит почти целиком из судей данного региона, прекрасно осведомлённых о ситуации.

Констатируется меняющийся баланс соотношения двух существующих апелляционных инстанций. Высшей из них по-прежнему остаётся Суд Тайного совета в Лондоне. Однако в новейший период Карибский суд постепенно приобретает большее значение. Отношения между Судом Тайного совета и Карибским судом очевидно имеют конкурентный характер, поскольку они претендуют на выполнение сходных функций высшей судебной инстанции по конституционным спорам в регионе. Рост популярности первого суда и падение доверия ко второму в текущий период связаны с дефицитом доверия населения к местным элитам. На практике закреплена роль Суда Тайного совета в защите конституционных прав, которая оспаривается сторонниками преодоления колониальных институтов, усматривающих перспективу именно в усилении Карибского суда справедливости³¹.

³⁰ См.: *Burnham M.A. Caribbean Constitutions and the Death Penalty // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 421–454.*

³¹ См.: *Cross J.E. Op. cit. P. 637.*

Карибский суд, в соответствии с соглашением 2001 года, наделён как общей, так и апелляционной юрисдикцией по конституционным вопросам для тех стран региона, которые подписались под этой апелляционной юрисдикцией³². Суд был наделён также миссией развивать «подлинно карибскую юриспруденцию» (англ.: *distinctively Caribbean jurisprudence*) в конституционных вопросах. На сегодня, однако, только четыре страны ратифицировали соглашение, устанавливающее апелляционную юрисдикцию Карибского суда (Барбадос, Гайана, Белиз и Доминиканская Республика), поэтому число кейсов судебных решений ограничено. Однако из них явствует, что Карибский суд демонстрирует иной подход, чем Суд Тайного совета. Данный подход меньше ориентирован на текст и формальное соответствие ему, но больше на правовую политику, — во имя восстановления демократической легитимности региональных конституций. Включение этих «защитных положений» (англ.: *saving clauses*) объединило и воспроизвело законы и формы наказаний, которые действовали до обретения странами независимости с целью противостоять вызовам конституционным основам, создающим опасность нарушения прав и свобод, гарантированных конституцией. Однако одновременно это создало труднопреодолимый барьер на пути возможных конституционных изменений в направлении демократизации конституционных норм. В результате возникает противоречие, поскольку защитные нормы, призванные отстаивать незыблемость конституционных ценностей, становятся непреодолимым препятствием к их трансформации в свете новых международных стандартов³³.

В этом контексте принципиально различие подходов двух высших апелляционных судов к их интерпретации. Суд Тайного совета стоит на более традиционных позициях формального или текстуального подхода к интерпретации, хотя и модернизирует их с течением времени. В его практике представлены четыре главных подхода к интерпретации региональных конституций — текстуальный, структурный, целеполагающий и гибридный (соединение текстуального и целеполагающего). Карибский суд справедливости выдвигает альтернативный подход к конституционной интерпретации, представленный группой лидирующих конституционных исследователей региона. Этот альтернативный подход определяется как холистический (англ.: *holistic*), поскольку он отводит меньше значения тексту отдельных положений конституций, предпочитая вместо этого трактовать конституцию как воплощение ценностей и принципов, которые в совокупности имеют большее значение, чем сумма отдельных положений писаной конституции. Карибский суд применил этот подход в делах *Nervais* и *McEwan*, чтобы обойти «иммунный эффект» защитных норм, представленный в конституциях Барбадоса и Гайаны. Данный подход меньше ориентирован на текст, и формальное соответствие ему и большая нацеленность на политику представляют собой восстановление демократической легитимности региональных конституций. Как следствие, Карибский суд придаёт очень мало веса тексту региональных конституций, допуская активное вмешательство судебной власти в интерпретацию смысла соответствующих норм и ограничений.

Холистический подход к интерпретации конституционных норм, понятный в общем культурном и политическом контексте, вызывает критику с позиций традиционной юриспруденции. Он, по мнению автора данного раздела книги, основан на двух очень спорных допущениях. Первое из них заключается в том, что сам процесс, посредством которого

³² См.: *Vasciannie S.* The Appellate Jurisdiction of the Caribbean Court of Justice // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 503–528.

³³ См.: *O'Brien D.* The Interpretation of Commonwealth Caribbean Constitutions: Does Text Matter? // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 555–581, 556–557.

были приняты региональные конституции, уменьшает их демократическую легитимность и таким образом освобождает судей от верности тексту конституции (англ.: *fidelity to the text of the constitution*). Второе — состоит в том, что радикальная конституционная интерпретация, граничащая с переписыванием норм, оправдывается дисфункциональностью региональных легислатур. Оспаривая демократическую легитимность региональных конституций и игнорируя ясный смысл их текста, холистический подход рискует дискредитировать весь подход к интерпретации. В результате суд подменяет законодателя, утрачивается демократическая легитимность поправок в соответствии с конституционными процедурными нормами их принятия, а судебная власть фактически берёт на себя ответственность за изменение конституций. Данный вектор, по мере его нарастания, усиливает противоречия интерпретационных стратегий двух высших апелляционных инстанций — Суда Тайного совета и Карибского суда, — призванных не подменять друг друга, но совместно развивать «карибскую юриспруденцию»³⁴.

Конкуренция двух центров судебной власти в регионе имеет отчётливую политическую подоплёку в контексте постколониализма. Она порождает противоречивость установок на будущее: одни эксперты выступают за сохранение в будущем юриспруденции Тайного совета в полном объёме, другие — настаивают на снижении его роли в пользу Карибского суда. Констатируется парадоксальная ситуация: с одной стороны, Суд Карибского Содружества, опираясь на международное право, закладывает прочные основы региональной интеграции, воспринимает себя как высшую инстанцию по разрешению судебных споров в регионе (наподобие Европейского Суда по правам человека) и требует от национальных правительств покончить с наследием колониализма в виде обращений в Тайный совет её Величества³⁵; с другой стороны, его судьи не представили убедительных объяснений того, почему Суд Карибского Содружества поддерживает столь прочные отношения с Тайным советом, верховный судья Карибского суда является его членом, судьи дают присягу на верность английской королеве и династии и получают английское пэрство, хотя существует аналогичная система наград в карибских странах³⁶. Действительно, почему?

8. Преемственность и разрывы конституционной стабильности в странах Карибского региона

Несмотря на то что многие страны Карибского региона с обретением независимости столкнулись с политической нестабильностью и кризисом легитимности власти, все исследователи констатируют сохранение общей конституционной преемственности в смысле воспроизводства основных принципов и форм государственного устройства. В британской колониальной сфере это явление объясняется юридическими причинами, обеспечившими эволюционный, а не революционный переход к независимости. Главной из них является особый порядок защиты конституций от изменений поправками. В период перехода к независимости в конституции многих стран, как показано ранее, была включена особая защитная норма (англ.: *a saving law close provision*) — оговорка о сохранении незыблемости права, существовавшего до обретения независимости, которое теоретически могло быть объявлено неконституционным с принятием конституций (что и произошло, например, в других колониях в Азии и Африке).

³⁴ O'Brien D. Op. cit. P. 556—557.

³⁵ См.: Berry D. S. Op. cit. P. 529—554.

³⁶ См.: Ghany H. Op. cit. P. 76—77.

Специального рассмотрения заслуживают поэтому гарантии неизменности фундаментальных конституционных норм поправками (англ.: *unamendability*), потребность в которых была связана с принятием писанных конституций. Эти гарантии подразделяются на две больших группы — формальные (процедурные или связанные с определёнными обстоятельствами) и содержательные. Последние (англ.: *substantive unamendability*) представляют собой ограничения, налагаемые на субъектов процесса конституционного пересмотра в форме поправок, и, в свою очередь, разделяются на две группы — эксплицитные (например, «вечные нормы») и имплицитные (возникающие в результате судебной интерпретации текста конституции)³⁷.

С этих позиций все страны Карибского региона могут быть подразделены на два кластера — те, которые принадлежат к Карибскому Содружеству, опираются на британскую модель вестминстерской системы и принцип парламентского суверенитета, и те, которые определяются принадлежностью к латинской конституционной традиции (англ.: *Latin Caribbean constitutionalism*). Различие их подходов к конституционным изменениям очень существенно. В первом кластере, где конституции более стабильны, преобладает формальный, или процедурный, подход, а содержательный подход до настоящего времени не выражен и потенциально возможен скорее в форме принятия разработанной в Индии доктрины «базовой структуры», сдерживающей изменения судебными решениями и получившей широкое распространение в странах, исторически опирающихся на вестминстерские принципы (в настоящее время только Верховный суд Белиза уделяет внимание этой доктрине). Карибское Содружество остаётся оплотом демократической стабильности в сравнении с другими бывшими британскими колониями. Этим объясняется тот факт, что при констатации сбоев вестминстерской системы здесь нет её всеобщего отрицания.

Во втором кластере стран латинской конституционной традиции преобладает упор на содержательные изменения и их легитимацию с позиций соответствия принципам демократии, народовластия и социальной справедливости. Для этой группы стран (Куба, Гаити, Доминиканская Республика) характерны учёт воли народа и его непосредственное включение в осуществление конституционных изменений, в том числе путём революции. Так, все три конституции Кубы — 1911, 1940 и 1976 годов (с поправками 1978, 1992, 2002 годов) — являются результатом восстаний и, хотя имеют разные источники заимствований, основаны на идее национальной независимости и эгалитарной концепции государственного устройства, однако демонстрируя при этом разрыв провозглашённых норм и реальности, а также неэффективность механизмов защиты прав в силу монополизации политического контроля и отсутствия конституционного правосудия. Новая Конституция Кубы 2019 года также не привела к отказу от фундаментальных принципов Конституции 1976 года (в основе которой — Конституция СССР 1936 года), но ввела изменения, касающиеся отношений собственности и правительства, приняв своеобразный вариант президентско-парламентской системы при фактическом однопартийном доминировании³⁸. Сходное понимание преемственности представлено на Гаити. Суммарным выражением истории 23-х конституций Гаити стала поговорка «Конституция — это бумага, а штык — железо», иллюстрирующая смену революционных демократических импульсов и диктатур. С падением режима Дювалье в 1986 году начался демократический переход, но не была преодолена культура насилия, проявившаяся

³⁷ См.: *Roznai Y. Constitutional Unamendability in the Region // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 105–127.*

³⁸ См.: *César Guanche J., Fernández Estrada J.A., Hayes B. Op. cit. P. 322.*

в электоральном кризисе 1996 года. Несмотря на это, последняя по времени конституция 1987 года (модернизированная поправками 2012 года), по мнению эксперта, восстанавливает демократическую преемственность, хотя в полной мере не решает проблем прав человека, децентрализации и электоральной стабильности президентской власти³⁹.

Особый интерес представляет собой концепция конституционной преемственности в одной из самых нестабильных стран региона — Доминиканской Республике. Тот факт, что здесь с 1844 года (принятие первой конституции) до настоящего времени (2002) было принято в общей сложности 37 конституций (!), не помешало автору раздела акцентировать внимание на преемственности конституционного развития данной страны, которая за период в 170 лет продемонстрировала исключительно «умеренные реформы и конституционную стабильность»⁴⁰. В этой (небесспорной) логике все конституционные ревизии, восстания, перевороты и следовавшие за ними периоды диктаторского правления не привели к отказу от базовых принципов — народного суверенитета, верховенства права, либерального государства, разделения властей и персонального правления, сохранив преемственность с первой конституцией. Несмотря на то что конституции Доминиканской Республики часто становились прикрытием абсолютной власти, легитимизирующей систему всевластия президента, они оставались неременным условием всякого правления и формально не отбрасывались даже самыми жестокими тиранами (как, например, Рафаэль Трухильо). Это позволило восстановить их действенность в новейшее время, начиная с 1990-х годов (конституционная реформа 1994 года и 2010-х годов), пересмотрев баланс ветвей власти и включив институты конституционного правосудия. Поэтому в длительной исторической ретроспективе подлинная проблема страны, как резюмирует автор, состоит не в отказе от конституции, а в преодолении её неэффективности — «сплава либеральных конституционных текстов с образом поведения лидеров правительства»⁴¹. Для этой группы стран латинского конституционализма демократизация включает в себя социальное движение снизу вверх, а не следование формальным конституционным ограничениям.

Особая ситуация поддержания конституционной преемственности извне представлена в Пуэрто-Рико — государстве с ограниченным суверенитетом, где, несмотря на изначальное влияние испанской культурной традиции, доминируют США. Конституция Пуэрто-Рико 1952 года получает три различных интерпретации: первая — она формально существует, если понимать под ней текст и совокупность дополняющих его актов; вторая — она формально отсутствует, если исходить из того, что со времён испанского завоевания страна находится в состоянии чрезвычайного положения, которое, как предполагается, должно закончиться с принятием конституции независимости; третья — она представлена в виде всей совокупности функционирующих правовых актов, действующих в настоящее время. Проблема заключается в том, что наряду с Конституцией страны и помимо неё в систему источников её конституционного права включены международные договоры и внутренние акты, которые определяют принципиальные стороны правовой системы (отношения между гражданами и государством, структуру

³⁹ См.: Aucoin L. Haiti's Constitution of 1987: How Does It Fare Today as the Country's Foundation for the Rule of Law? // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.326–359.

⁴⁰ Marsteintredet L. The Constitutions of the Dominican Republic: Between Aspirations and Realities // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.360–390.

⁴¹ Ibid. P.340.

политической власти), но не могут быть изменены в рамках внутреннего права, наделяя этими приоритетами внешнюю силу — Конгресс США⁴².

Поэтому формальная Конституция Пуэрто-Рико, как считает автор данного раздела, образует сложную структуру и должна быть представлена в виде четырёхъярусной иерархии норм, выстроенной по степени их значимости: 1) Конституция США, наделяющая Конгресс США властью принимать законы, применяемые в Пуэрто-Рико, и одновременно ограничивающая законодательную власть Конгресса США и власть пуэрто-риканских ветвей правительства; 2) совокупность базовых законов США, которые регулируют отношения между Пуэрто-Рико и США и ограничивают содержание Конституции 1952 года; 3) все законы и законодательные акты США, которые противоречат Конституции 1952 года или имплицитно меняют её положения; 4) Конституция Пуэрто-Рико 1952 года — органический закон, одобренный Конгрессом и ратифицированный на референдуме, который частично ещё регулирует внутреннюю структуру управления острова. Таким образом, национальная Конституция занимает последнее место в данной иерархии, демонстрирующей полуколониальный статус Пуэрто-Рико. Поэтому, как считает автор, обретение страной полноценного самоуправления на основе действующей Конституции (ограниченной нормами Конституции США) невозможно, но теоретически реализуемо лишь путём созыва национальной Конституанты либо прямой апелляции к международному правовому принципу о праве наций на самоопределение⁴³.

В свете этих наблюдений конституционная стабильность и преемственность в регионе определяются не столько внутренними, сколько внешними факторами — международными договорами, интегрированными в конституции положениями об их неизменности, либо судебным толкованием транснациональных инстанций. Там, где эти факторы не действуют, правовая система характеризуется нестабильностью, революционной сменой конституций и режимов, а презумпция её преемственности носит скорее теоретический характер.

9. Перспективы конституционной трансформации в Карибском регионе

Перспективы правовых изменений в Карибском регионе определяются рядом следующих факторов: во-первых, общим соотношением процессов интеграции и фрагментации правового развития в мире с учётом позиций интернациональных и национальных игроков в регионе; во-вторых, состоянием конституционализма и опытом его развития за 60 лет независимости; в-третьих, конституционными положениями, определяющими границы возможных изменений; в-четвёртых, позициями обществ и элит карибских стран и степенью их заинтересованности в изменениях; в-пятых, состоянием научной мысли и проектов конституционной трансформации в очень разных обстоятельствах, в которых находятся отдельные государства региона.

Несмотря на развитие конституционализма в период независимости, для региона в целом характерно сохранение колониальных традиций в виде вестминстерской системы, её институтов и принципов. Тенденция к пересмотру колониального наследия, представленная начиная с 1970-х годов, до настоящего времени не дала значимых практических результатов, но позволила сформулировать ряд идей перспективных кон-

⁴² См.: *Colón-Ríos J.I. The Constitution of Puerto-Rico // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P.391–418.*

⁴³ См.: *Ibid. P.391, 417.*

ституционных реформ. Основная проблема заключается в том, что принятие вестминстерской системы в колониальный период было не сознательным выбором населения, а скорее результатом компромисса колониальных властей и местных плантаторских элит. В связи с этим население достаточно индифферентно к ценностям конституционализма, парламентаризма и национального правосудия, и в отношении к этим институтам констатируется дефицит доверия. В период независимости здесь, как и на постсоветском пространстве, общественное доверие к правительству не имело прочных оснований в силу роста национализма, социального неравенства, политического вмешательства в конституционные отношения, nepотизма и фактов грубых нарушений закона местными элитами и властями.

Поэтому проблема издержек постколониального конституционализма полностью сохраняет значение для стран вестминстерской системы. Требование демократии ассоциируется здесь с необходимостью разрыва с сохраняющимися колониальными структурами. Как подчёркивают эксперты, когда эти заимствованные ранее структуры были инкорпорированы в новые независимые правительства, они стали способствовать воспроизводству системы распределения власти, свойственной централизованному колониальному правлению. Произошло возрождение иерархических структур, которые наделяли значительной властью исполнительную ветвь без создания адекватного противовеса ей в виде судебной и законодательной ветвей. Таким образом, покончить с колониальными пережитками означает, по мнению реформаторов, создать институциональные механизмы, обеспечивающие ответственность избираемых чиновников, и перераспределить полномочия по линии правительства и властей местного уровня. В связи с этим актуальны следующие предложения реформ: вопрос о сохранении монарха как главы государства; преодоление централизации власти в офисе премьер-министра; пересмотр отношений высших судов в формировании региональных конституционных норм — Суда Тайного совета и Суда Карибского Содружества, при этом в пользу последнего с целью преодолеть механическое следование британской юриспруденции⁴⁴.

Общим трендом для стран Карибского Содружества становится переосмысление места адаптированной вестминстерской системы (англ.: *Westminster adapted*) с целью выяснения того, почему она «не работает». Основная причина усматривается в том, что в Великобритании данная система обеспечивает демократический контроль парламента, а в странах региона, наоборот, ведёт к концентрации однопартийного доминирования, превалированию исполнительной власти, её несменяемости и коррупции. Темами дискуссий о перспективах конституционных реформ стали: соотношение вестминстерской (парламентской) и Вашингтонской (президентской) моделей (Сент-Люсия); роль исполнительной власти (премьер-министра) в приостановлении работы парламента (Гренада, Гайана, Сент-Китс и Невис); временные ограничения и сроки пребывания у власти высших должностных лиц (Сент-Люсия, Тринидад и Тобаго, Гренада, Доминиканская Республика, Гаити, Куба); гендер, гражданство, национализм как факторы политического участия; корректировка избирательных систем — переход от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной или к их комбинированию в вариациях смешанной системы для ограничения факторов, ведущих к маргинализации оппозиции (Багамы, Сент-Люсия, Доминиканская Республика); реформы законодательства о партиях — регистрация политических партий и контроль за способами их финансирования так называемыми политическими деньгами, используемыми для субсидирования и внутренних манипуляций (публичные финансы, доноры, требования их раскрытия). Эти на-

⁴⁴ См.: Cross J. E. Op. cit. P. 648.

правления критики системы монистического парламентаризма в его карибском варианте поучительны для тех постсоветских стран, которые, как, например, Киргизия, исходят из принятия данной формы как панацеи против авторитаризма.

Поиск общих решений, как отмечалось, идёт по линии гибридизации парламентской и президентской систем, актуализируя интерес к смешанной форме правления французского образца. В этом контексте приоритетными направлениями дискуссии остаются: перспективы республиканской идеи и отмены монархии; перспективы отмены (или ограничения) юрисдикции Тайного совета с постепенной заменой его Карибским судом справедливости; националистическая повестка реформ, легитимируемая лозунгами «полноценной» независимости и формирования аутентичной карибской или креольской политической идентичности.

10. Мотивы и препятствия конституционной трансформации в странах Карибского региона

Основным движущим мотивом потенциальных конституционных преобразований являются тренды глобального развития, побуждающие Карибский регион к большей интеграции в международные отношения с параллельным стремлением к более чёткому выражению своего оригинального вклада и правового профиля. Это предполагает не только переосмысление колониальной традиции, но и модернизацию конституционных и политических систем в соответствии с превалирующими мировыми тенденциями. Препятствия реформам могут быть разделены на культурные, институциональные, процедурные и политические⁴⁵.

Первая группа препятствий реформам состоит в традиционализме политической культуры, особенно в странах с преобладанием испанской культуры, католицизма и латинского конституционализма. В этой группе стран констатируется консерватизм, низкая толерантность, культ насилия в политике, охватывающий широкую область социальных отношений — гражданства, межнациональных и расовых отношений, гендера, миграций. В противоположность глобальному тренду отношения полов далеки от равенства: только три страны (Гайана, Белиз и Ямайка) приняли равную трактовку мужчин и женщин в отношении гражданских прав и брака; другие страны региона далеки от этих стандартов. Равенство гражданских прав для женщин достигнуто не везде, хотя в последние десятилетия для них зафиксированы права на работу, здравоохранение и образование. Конституции, принятые в эпоху обретения независимости, содержат значительную дозу консерватизма, традиционализма и патернализма, закрепляют приоритет отца и мужа, воспроизводя авторитарные стереотипы. В Доминиканской Республике и на Гаити остаётся открытым вопрос, удастся ли внутренней и внешней оппозиции провести демократические изменения в конституциях, чтобы остановить тенденцию к ксенофобскому ответу на гаитянский вопрос в Доминиканской Республике.

Вторая группа институциональных препятствий реформам связана с ключевыми элементами дисфункции вестминстерской системы в регионе. Во-первых, она не обеспечивает здесь последовательного разделения законодательной и исполнительной властей. Небольшие парламенты карибских стран, как оказалось, легко поставить под однопартийный контроль, особенно с учётом направленно создаваемых избирательных систем (Гренада, Барбадос, Сент-Винсент и Гренадины — примеры стран, где по результатам

⁴⁵ См.: *Barrow-Giles C. Mapping the Future of Caribbean Constitutionalism // The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. P. 650–675.*

выборов в парламенте была представлена только одна партия). Одним из инструментов укрепления власти премьер-министра стало его неограниченное право роспуска или приостановления работы парламента (англ.: *prorogation*), используемое как способ избежать голосования о недоверии к правительству (Гренада, Сент-Китс и Невис и Гайана в 2012—2014 годах). В результате правительства оставались у власти, не располагая поддержкой парламента. Данная практика, как показано ранее, основана на конституционных положениях, дающих премьер-министру право советовать главе государства приостановить работу парламента. Это спорное положение не было отменено в ходе реформ и оставило открытым вопрос о наделении церемониального главы государства (генерал-губернатора или президента) делегированным правом отвергнуть такой совет премьер-министра.

Третья группа препятствий — дисфункции парламентской практики: не решается вопрос об установлении точных дат для проведения выборов (англ.: *fixed dates for elections*) с целью избежать неопределённости, выгодной правительству и премьеру. В одной группе стран (Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины) эксперты склоняются к принятию данной корректировки в соответствии с текущими изменениями в самом Соединённом Королевстве (где введена рекомендация определить регулярный срок работы парламента в 4 года и 9 месяцев, а преждевременные выборы допустить только в случае голосования о недоверии). В другой группе стран (Багамы и Белиз) идея фиксированных сроков отвергается на основании её несовместимости с парламентской системой правления. К числу обсуждаемых корректировок относится вопрос о времени пребывания в должности высших должностных лиц: в ряде стран ограничения действуют только в отношении президента (Гаити, Доминиканская Республика, позднее — Куба), в других — определяется число сроков, которые может занимать премьер-министр (Белиз, Тринидад и Тобаго), в третьих — эта идея не получает поддержки.

Четвёртая группа препятствий — ограничения демократического представительства рамками мажоритарной избирательной системы. Обсуждается введение пропорциональной системы или соединение пропорциональной и смешанной систем с тем, чтобы обеспечить большую представительность политических интересов и избежать ситуации однопартийных правительств (Сент-Люсия, Багамы, Барбадос, Белиз, Сент-Винсент и Гренадины)⁴⁶. Однако это движение в сторону пропорциональной системы упирается в мотивы сторонников традиционной мажоритарной системы, которая, по их мнению, выступает ключевым инструментом обеспечения стабильности парламента. Сходным образом обстоит дело с предложением об изменении порядка формирования верхних палат — сохраняется поддержка назначаемых сенатов (различными ветвями власти). С целью разработки этих проблем в странах региона созданы и работают специальные комиссии, учреждаемые на двухпалатной основе, предложения которых широко обсуждаются в прессе.

Пятая группа причин, блокирующих демократические реформы, относится к политическим трудностям осуществления подобных реформ. Среди данных причин можно выделить следующие: 1) высокая поляризация карибских обществ и трудность достижения консенсуса в области конституционализма; 2) необходимость конституционного сверхбольшинства, требующегося для принятия поправок на референдуме (примеры Багам, Гренады, Сент-Винсента и Гренадин показывают трудность его достижения); 3) общая стабильность, которой располагал регион исторически (особенно англоязычная его часть) и которая не создаёт базиса для политических акторов, выступающих за

⁴⁶ См.: Barrow-Giles C. Op. cit. P.659.

радикальную конституционную реформу⁴⁷. Провал ряда референдумов по конституционным изменениям (Багамы и Гренада) уменьшил интерес населения к этой теме. Все темы дебатов о реформах в странах Карибского Содружества объединены вопросом об отношении к британской монархии, однако у экспертов нет уверенности, что они станут предметом практической реализации в обозримый период. Большинство стран отдаёт предпочтение республике, но даже там, где преобладает приверженность к монархии (как в Белизе), это связано скорее с тактическими причинами обеспечения стабильности границ (с опасением атак со стороны Гватемалы). Стержнем предлагаемых инноваций является модернизация вестминстерской системы — обуздание «цезаризма» премьер-министров, пустившего глубокие корни, которые уходят в колониальное прошлое. Консервативная стабильность опирается на нежелание элит пойти на радикальные изменения, связанные с отказом от монархии или с отменой роли Тайного совета как высшей апелляционной инстанции для региональных юрисдикций.

Прогноз о перспективах реформ определяется как «законный пессимизм» (англ.: *warranted pessimism*). Несмотря на значительные усилия по осуществлению конституционных реформ и изменений, в которых местные политики и учёные усматривали преодоление дисфункций системы, процесс конституционных и политических реформ остаётся осторожным⁴⁸. В настоящий момент существует мало свидетельств того, что масштаб конституционных изменений станет значительным. Даже в странах, где реформы активно обсуждаются, прогнозируется, что изменения не будут радикальными. Общие причины этого — социальный традиционализм (конституционная пассивность общества), институциональные препятствия (проведение референдума для изменения конструкции ветвей власти) и социальные установки (нежелание элит идти на преобразования, способные подорвать их позиции в обществе).

11. Выводы: конституционная трансформация в Карибском регионе в свете постсоветского опыта

При коренных различиях двух регионов мира — Карибского и постсоветского — их сопоставление с позиций сравнительного конституционализма не кажется бесперспективным. СССР, наследовавший Российской империи, часто сам определяется как империя, хотя едва ли правомерно воспринимать его как колониальную империю, по крайней мере, в аутентичном смысле. Тем не менее в политической риторике постсоветских стран, неожиданно обретших независимость с распадом СССР, тема «постколониализма» и преодоления его «пережитков» в культуре, экономике, праве и языковой политике постоянно присутствует в сознании национальных элит и отражена в дебатах о конституционных реформах. Однако если сами постсоветские страны считают этот постколониальный подход целесообразным, почему бы и нам не согласиться с ним, разумеется, используя его исключительно как инструмент выявления специфики регионального конституционализма? Это допущение делает оправданным вопрос о том, насколько опыт Карибского региона релевантен на постсоветском пространстве.

Общей базовой предпосылкой для сравнения служит то, что формирование великих империй на европейском континенте начиная с XVI века включало их спонтанное территориальное расширение, охватывавшее разные регионы мира и включавшее в себя их последовательную интеграцию, сопровождавшуюся распространением на них куль-

⁴⁷ См.: Barrow-Giles C. Op. cit. P.672.

⁴⁸ См.: Ibid. P.674—675.

турных стандартов, правовых традиций и институтов административного управления из имперского центра. Этот тренд, завершившийся разделом мира к концу XIX века между Великобританией, Францией, Голландией, а также Испанией и Португалией (позднее делегировавших свои полномочия США), с одной стороны, и Россией (а затем СССР) — с другой, способствовал распространению их правовых традиций и в конечном счёте предопределил проведение географических, культурных и политических границ, с той существенной оговоркой, что в российской и особенно советской сферах влияния эти территории не были удалёнными от метрополии «заморскими колониями», но с самого начала представляли собой равноправные части единого государства, а цель «имперской» политики усматривалась не в их прагматическом хозяйственном использовании, но в поднятии их уровня до уровня российского культурного ядра. Тем не менее со второй половины XX века, когда общим мировым трендом становится борьба с империализмом и колониализмом в форме самоопределения национальных государств, динамика распада крупных наднациональных («имперских») образований ведёт к сопоставимым результатам — обретению независимости и принятию конституций как символического атрибута новых суверенных государств. В Карибском регионе этот процесс охватывает период 1960–1980-х годов, в постсоветском регионе он начался с 1990-х годов и продолжается, в сущности, по настоящее время.

В результате этой трансформации в обоих регионах возникли схожие проблемы: большая группа новых государств, границы которых были определены великими державами по своему усмотрению, столкнулась с проблемой идентичности в обществах, разделённых по конфессиональным, национальным, этническим и политическим параметрам, а долгожданное обретение национального «суверенитета» стало вызовом для консервативных региональных элит, исторически формировавшихся по принципу лояльности имперскому центру. Так называемый демократический транзит 1990-х годов, охвативший оба региона, породил сходные противоречия: между декларированным «суверенитетом» и сохранением фактической зависимости новоизобретённых государств от их прежних метрополий; между принятой концепцией правового государства, основанной на международных (европейских) стандартах прав и свобод человека, и неспособностью политических режимов обеспечить стабильность в расколотом обществе; между запросом общества на конституционную модернизацию и нежеланием элит пойти на уступки, связанные с ограничением их власти, собственности и престижа. Повсеместно результатом данных противоречий стали утрата правовой стабильности, кризис легитимности власти, неспособной обеспечить заданную завышенную планку правовых стандартов, рост разочарования и агрессии по отношению как к бывшим имперским центрам власти, так и к продолжению реальной или подразумеваемой «неоимперской» политики.

Единственной идеологией, которая в обоих регионах имела шансы стабилизировать ситуацию и обеспечить легитимность власти на переходный период, почти неизбежно стал национализм — конструирование предполагаемой «национальной идентичности», смысл которой везде сводится к противостоянию идеологии соответствующей империи и её «пережиткам», хорошо объясняющим населению провалы «независимых» правительств в вопросах конституционализма, прав человека и создания эффективного управления. В Карибском регионе эти поиски отражены в идеологии антиколониализма, расового негритянского возрождения и креольского правового синтеза, на постсоветском пространстве — в поисках автохтонных правовых традиций, иногда даже там, где их нет, с параллельным пересмотром культурных стереотипов, переписыванием истории, языковой политики и так далее. Основной дилеммой правового развития везде стано-

вится вопрос о том, как относиться к имперским традициям конституционализма. Их принятие означает уступку колониальному прошлому, отказ от них разрывает правовую преемственность, а их адаптация с последующей корректировкой ведёт к воспроизводству противоречий аутентичных моделей и местных практик.

Разрешением данной дилеммы становится феномен правовой гибридизации, иллюстрирующий «преимущество отсталости» в конституционной сфере, то есть возможность свободного, часто некритического заимствования норм, институтов и практик из разных правовых культур и более или менее спонтанного процесса их селекции в региональном контексте. В основу конституций, принятых с обретением независимости, вполне естественно были положены правовые институты, исторически сформировавшиеся в имперский период. Для стран Карибского Содружества ими стали неписаная британская конституция и вестминстерская система либо элементы французского и голландского права, для постсоветских стран — российская правовая традиция, советская модель номинального конституционализма и пришедшая ей на смену российская модель конституционной системы. С течением времени выясняется, однако, что заимствованные модели и конструкции функционируют здесь не так, как предполагалось, и даже дают обратный эффект. Вестминстерская система не обеспечивает полноценного демократического представительства, ведёт к ослаблению парламентаризма и узурпации полномочий исполнительной властью. Российская модель конституционализма в традиционной политической культуре ведёт к авторитаризму и даже воспроизводству деспотических форм власти. Перспективная тенденция усматривается в гибридизации — в попытках соединить международное право с национальным, англосаксонскую традицию неписаного конституционализма с континентальной, вестминстерскую систему с вашингтонской, форму монистического парламентаризма с президентской (в виде смешанной формы правления) и англосаксонскую модель конституционного правосудия с европейской. На постсоветском пространстве мы видим, по существу, тот же вектор гибридизации, возможно, в обратном направлении. Не случайно, что наиболее востребованной линией поиска становится в переходных обществах именно гибридная (смешанная) парламентско-президентская (или президентско-парламентская) форма правления французского образца, представленная в очень разных культурах — от Украины до Кубы.

Эти изменения конституционного дизайна, при всей внешней значительности, не отражают, однако, обретение внутреннего единства и приводят к двум полярным результатам — к обеспечению механической консервативной стабильности, основанной на верности традициям (как в карибских постколониальных странах вестминстерского ареала), либо, напротив, к воспроизводству конституционной нестабильности, когда принятие одной конституционной модели тут же оспаривается её противниками (как в Доминиканской Республике, на Гаити или на Украине, в Киргизии и в Грузии), часто представляя собой спонтанное конституционное отражение конкуренции олигархических групп в борьбе за власть и собственность. Результатом этих конституционных экспериментов становилось появление более или менее удачных эклектических конструкций, поддержание жизнеспособности которых связано не столько с действенностью правовых норм, сколько с апатией общества, их приемлемостью для региональных элит или внешних сил. В худшем случае уход «колонизаторов» под фанфары обретенной независимости сопровождался конституционной ретрадиционализацией, то есть возвратом к тем консервативным стереотипам политической культуры, которые прочно ассоциировались с доконституционными практиками (к примеру, всплеск ксенофобии и насилия, возвращение к кровной мести, стереотипам гендерного неравенства, патернализма,

клановых войн и коррупции). Общие итоги и перспективы постимперской конституционной модернизации, выражаемые для Карибского региона формулой «законного песимизма», ещё больше соответствуют ей в постсоветском регионе, возможно, в связи с более кратким периодом его независимости.

С позиций традиционного «имперского» подхода вектор изменений не выглядит столь однозначно. Исторический процесс не развивается линейно: обретение конституционной независимости включает в себя как позитивные, так и негативные стороны, а их баланс далёк от стабильности. В случае развития глобализационных процессов имперское прошлое может стать не разъединяющей, но объединяющей силой в новых формах и современных проектах правовой интеграции. В этой перспективе Карибскому Содружеству явно лучше удаётся конвертировать правовые модели прошлого в современные конституционные преобразования, чем постсоветскому региону в рамках СНГ или ЕАЭС. Если общая задача состоит в том, чтобы добиться интеграции вокруг единых ценностей права, остановить его растущую фрагментацию и деградацию, то ведущие государства обоих регионов призваны способствовать её достижению и должны извлечь уроки из успехов и провалов постимперского конституционализма. Конституционная экзотика — это прекрасное поле для политических экспериментов и академических исследований, но едва ли полноценная основа для стабильного и предсказуемого правового развития.

Библиографическое описание:

Медушевский А. Постоянство в изменчивости: об истинных причинах неотразимой привлекательности конституций экзотических стран: Рецензия на книгу: *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions* / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. Oxford: Oxford University Press, 2020 // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1 (140). С. 128—156.

Persistence in changes: on the true causes of the irresistible attraction of the constitutions of exotic countries

Book review

The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. Oxford: Oxford University Press, 2020

Andrey Medushevsky

Doctor of Sciences (Philosophy), Tenured Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: amedushevsky@mail.ru).

Abstract

In the great international literature on comparative constitutional law, main theoretical observations and constructions normally been made on the ground of principle Western models interpretation. That is quite natural because the experience of established democracies in their historical and political implications formed the basis and resource of inspiration for many new nations looking forward to create the similar forms of constitutional government in spite of various cultural and social difficulties. But this approach substitute the problem by its ideal solution sometimes ignoring the whole bulk of emotions, hesitations, exaggerated hops, disappointments and interests, which are represented in regions and countries of so-called “periphery zone” of legal development acutely pressed to search their own strategy of constitutional modernization in quite different cultural and political context. This problem becomes the central point in the monumental work under review — “The Oxford handbook of Caribbean Constitutions”. The book providing a solid ground for the complex academic deliberation of one of such regions — a very specific group of countries, which formerly were part of the great European colonial empires, recently proclaimed their independence and stay in a permanent process of

constitutional self-determination trying to find their proper way in legal globalization. Carefully summarizing the materials and ideas of this collective work, the author of this review article discusses some general conceptual items of this type of constitutionalism: the role of common culture and history in pre-colonial, colonial and post-colonial legal development; the impact of “colonial legacy” in formation of post-independence constitutionalism of respective countries. He reconsiders the place of indigenous forms and imported imperial constitutional design in the establishment of the new constitutionalism and administrative governance; the specific trend to hybridization of different legal traditions, norms and institutes in process of their evolution and selection through constitutional amendments, constitutional jurisprudence and projects of reforms. In concluding part of this article the author summing up his vision of continuity and ruptures in legal development balance of Caribbean region in comparison with Post-Soviet region’s current constitutional transformation.

Keywords

legal traditions; Caribbean constitutions; colonial legacy; path-dependence; legal identity; imported and indigenous constitutionalism; constitutional dysfunctions; constitutional hybridization; Post-Soviet constitutional transformation.

Citation

Medushevsky A. (2021) Postoyanstvo v izmenchivosti: ob istinnykh prichinakh neotrazimoy privlekatel'nosti konstitutsiy ekzoticheskikh stran: Retsenziya na knigu: The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. Oxford: Oxford University Press, 2020 [Persistence in changes: on the true causes of the irresistible attraction of the constitutions of exotic countries: Book review: The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. Oxford: Oxford University Press, 2020]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 30, no. 1, pp. 128–156. (In Russian).

References

- Albert R., O'Brien D., Wheatle S. (eds.) (2020) *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions*, Oxford: Oxford University Press.
- De Smith S. A. (1962) Constitutionalism in the Commonwealth Today. *Malaya Law Review*, vol. 4, no. 2, pp. 205–220.
- De Smith S. A. (1964) *The New Commonwealth and Its Constitutions*, London: Stevens and Sons.
- Gromyko A. A. (ed.) (2007) *Velikobritaniya: epokha reform* [Great Britain: the age of reform], Moscow: Ves' mir. (In Russian).